
А. А. БИРЮКОВ

«ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ МИР» ИЛИ «ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ МИФ»?

Концепции постиндустриального общества (информационного общества, общества знаний), сформировавшиеся на Западе в конце 60-х гг. прошлого века, несмотря на предрекаемые им упадок и закат¹, остаются частью научного дискурса как за рубежом, так и у нас в стране. Как утверждается, эти теории отражают «объективную тенденцию нового витка эволюции цивилизации, связанного с появлением новых информационных и телекоммуникационных технологий, новых потребностей и нового образа жизни»².

Несмотря на то, что описываемые в этих теориях качественные сдвиги в социально-экономической структуре общества рассматриваются на примере развитых государств (США, Япония и др.), утверждается, что все тенденции, характерные в настоящее время для флагманов постиндустриального мира, в будущем распространятся и на развивающиеся страны. Но на вопросы, когда начнется этот процесс, насколько он будет продолжителен и в какой форме будет проходить, исследователи ответа не дают, ограничиваясь лишь обтекаемыми формулировками вроде тезиса о том, «что весь индустриальный мир, к которому ныне принадлежит и Россия, в перспективе неизбежно повторит (естественно, с определенными модификациями и особенностями) тот путь, который прошли развитые постиндустриальные страны»³.

Таким образом, с одной стороны, признается, как пишет В. Л. Иноземцев, что «движение к “постиндустриальному” общест-

¹ См.: Семенов, Ю. И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М.: Современные тетради, 2003. – С. 192–198.

² Рейман, Л. Д. Информационное общество и роль телекоммуникаций в его становлении // Вопросы философии. – 2001. – № 3. – С. 3.

³ Иноземцев, В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М.: Логос, 2000. – С. 5.

ву охватывает все больший круг стран и становится магистральной дорогой всего человечества», а с другой – исследования ограничиваются лишь западными странами. Здесь кроется определенное противоречие. Если теория постиндустриального общества претендует на то, чтобы стать «единственной социологической концепцией XX в., в полной мере подтвержденной исторической практикой»⁴, то она обязана охватить всю социальную реальность в мировом масштабе. Итак, необходимо выяснить, присутствуют ли в развивающихся странах ростки нового «постиндустриального» общества или же все эти тенденции характерны лишь для ограниченного круга государств и тем самым не могут быть рассмотрены в качестве «магистрального пути движения» для всего человечества.

Несмотря на различия в существующих вариантах теорий постиндустриального общества, их авторы выделяют ряд существенных черт, которые, по их мнению, определяют этот этап развития человеческого общества. Одной из таких характеристик является повышение роли информационного сектора как в сфере услуг, так и в народном хозяйстве в целом⁵.

Информатизация производства, появление новых технологий в развитых странах привели к заметным изменениям в социальной структуре общества и стали причиной того, что сектор услуг (при всей размытости его отраслевой структуры) в экономике этих государств занимает 65–75 % ВВП⁶. Об этих сдвигах в странах первого мира писалось неоднократно, но есть ли схожие тенденции в странах третьего мира? Здесь «старый» индустриальный сектор остается господствующим в экономике, составляя 40 % ВВП, и тенденций к изменению этого положения не наблюдается⁷.

Прямые зарубежные инвестиции в первичный и вторичный сектора экономики развивающихся стран составляют около 70 %, тогда как в третичный – лишь 30 %⁸; более того, эти инвестиции, направляемые в экстенсивные отрасли экономики развивающихся

⁴ Иноземцев, В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – С. 4.

⁵ Рейман, Л. Д. Указ. соч. – С. 7.

⁶ Бугалин, А. В., Колганов, А. И. Глобальный капитал. – М.: УРСС, 2004. – С. 27.

⁷ Там же.

⁸ Хелд, Д., Гольдблатт, Д., Макгрю, Э., Перратон, Д. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура. – М.: Практикс, 2004. – С. 299.

стран (добыча и экспорт сырья, производство одной или двух доминирующих сельскохозяйственных культур), имеют целью сохранить status quo в рамках старой системы международного разделения труда.

Другая проблема, которую часто не принимают во внимание многие исследователи, – это монополизация развитыми странами и транснациональными корпорациями рынка высоких технологий, появления на котором новых глобальных игроков-выскочек, мягко говоря, не ждут.

Хотя в некоторых развивающихся странах производство, связанное с «постиндустриальными» технологиями (производство компьютеров, программного обеспечения и т. д.), растет, и притом довольно высокими темпами, этот рост в большинстве своем связан с пресловутым аутсорсингом и прямого отношения к приобретению этих стран к «постиндустриальной цивилизации» не имеет. Например, в Индии высокотехнологичный сектор растет темпами 30 % в год, принося сверхприбыли американским компаниям на уровне примерно 112–114 %⁹.

Другим признаком перехода к постиндустриальному обществу является рост требований к уровню профессиональной подготовки кадров, качеству образования, увеличению финансирования научной сферы. Однако все эти тенденции опять-таки характерны лишь для развитых стран. В бедных же странах неграмотными являются в среднем 30 % мужчин и более 50 % женщин, а в вузы зачисляется 5–6 % молодежи, тогда как в развитых странах – более 50 %¹⁰. Так, в Индии четверо из десяти человек не умеют читать и писать¹¹. Темп роста государственных расходов на образование в долях от ВВП также замедлился во всех группах развивающихся стран¹².

Но даже если в какой-либо из развивающихся стран и обнаруживаются тенденции к повышению качества образования и роста числа дипломированных специалистов, сами по себе они не являются гарантией изменения положения этого государства в системе

⁹ Готнога, А. В. Прогнозирование истории: теория и методология. – М.: ВЛАДОС, 2007. – С. 61.

¹⁰ Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. Указ. соч. – С. 32.

¹¹ Бюлар, М. Индия: в поисках утраченной мощи // Свободная мысль. – 2007. – № 1. – С. 43.

¹² Каллиникос, А. Антикапиталистический манифест. – М.: Практик, 2005. – С. 31.

международного разделения труда. Так, в Китае число выпускников вузов увеличилось с 1,07 млн в 2000 г. до 4,13 млн в 2006 г. Доля выпускников, которые не смогли найти работу в 2006 г., оценивается в 60 %, и связано это прежде всего с границами того способа производства, при котором преобладает использование неквалифицированной рабочей силы¹³.

Кроме того, не следует забывать, что «постиндустриальная» экономика развитых стран испытывает огромную нехватку высококвалифицированных кадров, которая покрывается за счет притока специалистов из развивающихся стран, предпочитающих работать за рубежом, нежели строить светлое «постиндустриальное» будущее у себя дома.

Одна только Индия готовит 25 тысяч инженеров, большая часть которых оседает в США. Получив диплом в Америке, новые специалисты предпочитают здесь и трудиться. 70 % защитившихся в американских университетах специалистов остаются в Соединенных Штатах. В 1990 г. 62 % ученых, получивших степень доктора технических наук, были в основном выходцами из азиатских стран. Ими же оказались и 52 % докторов наук по экономике¹⁴. Уже сегодня каждый пятый врач в США является иммигрантом¹⁵.

В новом иммиграционном законе, принятом в сенате в мае 2006 г., заявлено, что доля высококвалифицированных кадров должна составлять 1/4 часть от общего числа мигрантов¹⁶. Аналогична ситуация и в Европе. Не так давно Европарламент одобрил проект «Голубая карта», позволяющий несколько снизить кадровый голод за счет притока квалифицированных кадров из развивающихся стран (например, Германия испытывает недостаток в 95 тысячах инженеров).

Учитывая разницу зарплат в странах первого и третьего мира, само собой разумеется, что специалисты из развивающихся стран еще долго будут делать выбор в пользу работы за рубежом, так что строительство постиндустриального общества у себя на родине придется отложить на неопределенный срок.

¹³ Рокка, Ж.-Л. В Китае задумались над социальными проблемами // Свободная мысль. – 2007. – № 5. – С. 40.

¹⁴ Уткин, А. И. Демографический магнит мира // Свободная мысль. – 2007. – № 3. – С. 61–62.

¹⁵ Там же. – С. 61.

¹⁶ Там же. – С. 71.

Понятно, что «постиндустриальный» прорыв немислим без огромных капиталовложений в сферу образования, здравоохранения и других социально значимых отраслей. Однако у развивающихся стран средств на социальные обязательства недостаточно. Но есть и другой вариант развития этой ситуации, когда средства есть, а умения или желания рационально ими воспользоваться нет. Возьмем, например, Россию. Высшее руководство страны, в том числе и президент, неоднократно заявляли, что России необходимо выработать новую стратегию инновационного пути развития и перестроиться с экспортно-сырьевой модели экономики на «экономическую модель XXI в.», включающую в себя развитие информационных технологий, внедрение в промышленное производство достижений науки и т. д. Однако эти пожелания сильно разнятся с реальным положением вещей. В России лишь 8 % роста экономики достигается за счет секторов, внедряющих высокие технологии. Ее доля в наукоемком экспорте не превышает 0,5 %. Число промышленных предприятий, которые активно используют достижения современной науки, составляет сегодня менее 3 %¹⁷. В реальных деньгах финансирование образования в России за 1990-е гг. сократилось в 8 раз, а финансирование науки – в 20 раз. В научных учреждениях в советское время трудились 1,9 млн человек, а сейчас – менее 800 тыс. человек¹⁸.

В таких условиях высказывания нынешней политической элиты по поводу перехода на инновационный путь развития иначе как популистскими назвать нельзя. Эти высказывания стоят в одном ряду с нашумевшими «национальными проектами», назначение которых – не решить реальные проблемы, а только изобразить их решение.

Однако мы слишком углубились в проблемы современной России, отдалившись от основной линии наших рассуждений. Итак, тезис теоретиков постиндустриального общества, гласящий, что «классовые различия в постиндустриальном обществе обусловлены, прежде всего, различиями в образовании»¹⁹, не выдерживает

¹⁷ Чернышев, А. Г. Образование как политическая проблема России // Свободная мысль. – 2007. – № 1. – С. 83.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Иноземцев, В. Л. Собственность в постиндустриальном обществе и исторической ретроспективе // Вопросы философии. – 2000. – № 12. – С. 13.

критики. Наличие высшего образования у человека не делает его собственником средств производства, а улучшение ситуации в сфере образования в какой-либо из развивающихся стран не приводит к изменению ее положения в системе глобального разделения труда.

Следующая характеристика постиндустриального общества, на которой заостряют внимание исследователи, – это изменения в социальной структуре общества, которые проявляются в таких тенденциях, как исчезновение пролетариата и рост числа представителей сервисного класса, а также «креативного» и «суперкреативного» классов²⁰. Даже если закрыть глаза на слишком вольное обращение с понятиями «класс»²¹ и «пролетариат»²² и согласиться с тем, что развитие постиндустриальных технологий действительно привело к изменениям в социальных структурах развитых стран, то и в этом случае следует признать, что в развивающихся странах никакого исчезновения пролетариата не наблюдается. Еще К. Маркс отмечал, что «пролетариат может существовать... только *во всемирно-историческом смысле*»²³. Поэтому его положение необходимо рассматривать в масштабах всей планеты. По словам С. Жижека, дискуссии о якобы исчезающем пролетариате есть продолжение той интеллектуальной традиции, «в которой трудовые процессы размещены в подземельях, в темных пещерах». Сегодня эта традиция «...достигает своей кульминации в миллионах анонимных работников, из которых выдавливают пот на фабриках третьего мира: от китайского ГУЛАГа до индонезийских сборочных линий – Запад может позволить себе болтовню о так называемом “исчезновении рабочего класса”, даже когда признаки его существования бросаются в глаза, достаточно присмотреться к короткой надписи мелким шрифтом “Сделано в... (Китае, Индонезии, Бангладеш, Гватемале)” на предметах массового потребления от джинсов до плееров»²⁴.

Число пролетариев в странах третьего мира не только не уменьшается, но и неуклонно растет. Так, если уровень урбаниза-

²⁰ См.: Бузгалин, А. В. Так что же такое постиндустриальный капитализм? // Свободная мысль. – 2007. – № 4. – С. 200–201.

²¹ К основному признаку класса разные авторы произвольно относят то уровень зарплаты, то содержание труда, то место в системе разделения труда, но старательно обходят вопрос об отношении к средствам производства.

²² Под пролетариатом чаще всего понимаются промышленные рабочие.

²³ Маркс, К., Энгельс, Ф. *Немецкая идеология* // Соч. – Т. 3. – С. 35.

²⁴ Жижек, С. *13 опытов о Ленине*. – М.: Ад Маргинем, 2003. – С. 165.

ции в мире, свидетельствующий о втянутости населения в капиталистический способ производства, в 1900 г. составлял 14 %, то в 1980 г. он уже достиг 40 %, а в 1999 г. – 50 %. По прогнозам ООН, к 2025 г. примерно 5,5 из 7,5 млрд населения Земли, то есть около 73 %, станут городскими жителями²⁵.

Таким образом, рассмотренные нами выше тенденции, объявляемые теоретиками постиндустриального общества существенными характеристиками новой эпохи в развитии человечества, обнаруживают себя в развитых странах, но отсутствуют в странах развивающихся.

Возникает вопрос: из-за чего же теория постиндустриального общества дает сбой, противореча своим собственным прогнозам о переходе к новой ступени развития всего человечества? На наш взгляд, причиной этого противоречия является сосредоточенность авторов этих концепций на второстепенных, формальных признаках (развитие новых технологий, появление новых профессий и т. д.), рассматриваемых к тому же в ограниченном развитыми странами, узком сегменте социальной реальности. В свое время еще Луи Альтюссер отмечал по этому поводу, что желание выдать эмпирические, формалистские характеристики за существенные неизбежно ведет к идеализму²⁶.

Концепции постиндустриального общества являют собой пример субъективистского подхода к изучению общества. Вырывая ту или иную сторону общественной жизни из действительности и абсолютизируя ее значение, приверженцы этих концепций оказываются не в состоянии взглянуть на изучаемый объект во всей его целостности, реальные противоречия, присущие этому объекту, превращаются вдруг в окостеневшие сущности, ведущие самостоятельную, независимую друг от друга жизнь.

Нежелание установить структурную взаимосвязь между «вырванными» из социальной действительности 20 % человечества, охваченного постиндустриальной революцией, и остальными 80 %

²⁵ Готнога, А. В. Трансформация современной мир-системы. Основные тенденции // Дальний Восток: наука, экономика, образование, культура в XXI веке. Материалы III Международной научно-практической конференции, Комсомольск-на-Амуре, 15–16 сентября 2005 и Конкурса молодых ученых. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсом.-н/А гос. пед. ун-та, 2006. – С. 44.

²⁶ Альтюссер, Л. Ленин и философия. – М.: Ад Маргинем, 2005. – С. 11.

ведет к отказу сторонников теорий постиндустриального общества видеть в отношениях стран первого и третьего мира отношения эксплуататора и эксплуатируемого.

Диалектический же взгляд на данное противоречие показывает, «что в рамках тех же самых отношений, в которых производится богатство, производится также и нищета; что в рамках тех же самых отношений, в которых совершается развитие производительных сил, развивается также и сила, производящая угнетение; что эти отношения создают *буржуазное богатство*, то есть богатство класса буржуазии, лишь при условии непрерывного уничтожения богатства отдельных членов этого класса и образования постоянно растущего пролетариата»²⁷.

Таким образом, связь между полюсами первого и третьего мира все четче вырисовывается как связь между глобальным Капиталом и глобальным Трудом. Сторонники концепций постиндустриального общества, однако, закрывают глаза на реальность и упрямо отстаивают тезис о том, что современное общество является качественно отличным от капиталистического. Вариант той же идеи – утверждение о том, что понятие «капитализм» вообще потеряло социологический смысл; оно, дескать, неактуально и не подходит для адекватного описания современного общества²⁸.

Исходя из положения о «неактуальности» понятия «капитализм» при описании современного мира делаются также и выводы о том, что трудовая теория стоимости утрачивает свое значение, труд заменяется знаниями, следствием чего является воссоединение труда и капитала²⁹. Здесь-то и выходит на поверхность идеализм этих концепций. Ни знания, ни информация, взятые сами по себе, не могут быть абсолютным источником прибавочной стоимости, таковым может являться только труд. Знания в форме изобретений и технических новинок влияют на повышение производительности труда не непосредственно, а опосредованно, через труд.

Другим следствием тезиса о «неактуальности» капитализма является отрицание факта грабежа развитыми странами стран третье-

²⁷ Маркс, К. Нищета философии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 4. – С. 144.

²⁸ Мясникова, Л. А. Экономика постмодерна и отношения собственности // Вопросы философии. – 2002. – № 7. – С. 14.

²⁹ Белл, Д., Иноземцев, В. Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. – С. 50–51.

го мира. Это позволяет считать существующее в мире неравенство уже не столь несправедливым³⁰.

Обратившись к известным фактам, можно убедиться, что «не столь уж несправедливое» неравенство в мире не только не сокращается, но и неуклонно растет, увеличивая и без того широкую пропасть между «золотым миллиардом» и остальным человечеством.

Разрыв в доходах 20 % населения планеты, проживающих в самых богатых странах, и 20 % населения, проживающих в самых бедных странах, увеличился с 30:1 в 1960 г. до 74:1 в 1997 г.³¹ На начало XXI в. богатство трех человек превышало доход 48 наименее развитых стран с населением 600 млн жителей³². Если жители стран центра, которые составляют 20 % населения планеты, потребляют 86 % всех материальных благ, создаваемых в мире, то 20 % землян, проживающих в наименее развитых обществах, довольствуются 1,3 %³³.

Одна из главных проблем развивающихся стран – вывоз олигархическими кругами, тесно связанными с верхушкой развитых стран и ТНК, огромных денежных средств, которые могли бы быть успешно инвестированы в местную экономику. В результате этих громадных утечек капитала непрерывно растет внешняя задолженность этих стран и постоянно увеличиваются траты на обслуживание внешнего долга, на выплату процентов по займам. За 1970–1992 гг. внешний долг развивающихся стран вырос с 68,5 млн долларов до 2 трлн, то есть на 2000 %. К середине 1999 г. он увеличился до 2,5 трлн. Расходы на его обслуживание в начале 90-х гг. составляли 169 млрд долларов. С 1980 г., когда долг стран Латинской Америки составлял 257 млрд долларов, ими было выплачено до конца 1995 г. 448 млрд, а в результате долг вырос до 607 млрд долларов³⁴. Если это – пример равноправного сотрудничества, то что такое тогда грабеж?

Важно понять, что логику капиталистического накопления в «постиндустриальном мире» никто не отменял, и если «общество

³⁰ Белл, Д., Иноземцев, В. Л. Указ. соч. – С. 266.

³¹ Готного, А. В. Прогнозирование истории: теория и методология. – С. 46.

³² Там же.

³³ Семенов, Ю. И. Указ. соч. – С. 550.

³⁴ Там же. – С. 551.

знания» возможно в центре, то лишь потому, что оно невозможно в зоне периферии.

И действительно, почему бы не строить у себя в стране качественно новое общество, перераспределяя определенную часть совокупного дохода в пользу «информационного сектора» экономики, строя больницы и образовательные учреждения, финансируя фундаментальную науку, в то время как кто-то другой производит для тебя все остальное – от игрушек и одежды до автомобилей и бытовой техники, кто-то другой работает по 12 и более часов в сутки, кто-то другой загрязняет окружающую среду, живет впроголодь, зарабатывая менее 1 доллара в сутки.

Именно логика капиталистического накопления приводит к тому, что некоторые регионы на нашей планете не просто отрезаны от достижений «постиндустриальной цивилизации», но и вряд ли могут рассчитывать хотя бы на то, чтобы вырваться из тисков голода, эпидемий и перманентной гражданской войны. К примеру, большинство стран Африки южнее Сахары, а также ряд среднеазиатских стран, ранее входивших в состав СССР, подвергаются тому, что Майкл Манн назвал «остракизирующим империализмом»: самые бедные страны мира не интегрируются должным образом в транснациональный капитализм, а подвергаются остракизму со стороны капитализма, считающего их слишком рискованными для инвестиций и торговли, иначе говоря, эти страны считаются недостойными даже эксплуатации³⁵.

Таким образом, все теоретические построения авторов концепций постиндустриального общества по поводу перехода к новому виду социума на всей планете рушатся как карточный домик, стоит нам только лишь приподняться над высоким барьером, отделяющим «Мировой Север транснациональной иерархии» от «миллиардных трущоб Глубокого Юга»³⁶.

Стремление доказать необходимость торжества «постиндустриализма» в масштабах всей Земли подчеркивает метафизичность этих концепций и роднит их с теориями различных проповедников «конца истории». Постиндустриальная цивилизация объявляется высшим достижением человечества, за пределами которой какое-

³⁵ Цит. по: Каллиникос, А. Указ. соч. – С. 64.

³⁶ Неклесса, А. И. Трансмутация истории // Вопросы философии. – 2001. – № 3. – С. 70.

либо движение и развитие отсутствуют вовсе. Не есть ли это возврат к пресловутым идеям «естественных отношений»? Только если раньше «естественными» объявлялись капитализм, рыночные отношения и конкуренция, то теперь «естественным» объявляется постиндустриальное общество и извечное стремление человечества к высшим, чисто духовным формам существования³⁷.

Если следовать сторонникам постиндустриализма, общественный характер производства и частный характер присвоения прибылей, отделение работника от средств производства, абсолютное обнищание пролетариата и глобальные социальные проблемы, свойственные «индустриальной» эпохе, – все это осталось в прошлом. Делая акцент на второстепенных, формальных признаках современной эпохи, сторонники теории постиндустриального общества подводят под идею бесконечного воспроизводства капитала необходимую идеологическую базу.

Претензии концепций постиндустриального общества на универсализм беспочвенны, так как вывод о распространении ростков нового общества на все регионы планеты сделан на основе тенденций, характерных лишь для ограниченного круга стран, «постиндустриализм» которых – заслуга не столько их самих, сколько всего человечества.

Сторонники теорий постиндустриального общества не могут не замечать разрыва в положении стран первого и третьего мира. Как отмечает В. Л. Иноземцев: «...мы никуда не ушли ни от экономического неравенства, ни от разделенности мира на “Север” и “Юг”...»³⁸ Но если развитые страны уже «не грабят» развивающиеся, то почему же не происходит подтягивание уровня развития этих стран до уровня стран «золотого миллиарда»?

Чтобы не отвечать на этот вопрос, не проще ли обвинить сами развивающиеся страны в нежелании отбросить свою «традиционность», отказаться от устаревших моделей развития и неумении понять вовремя логику «постиндустриализма»? Согласно таким рассуждениям, к примеру, африканские страны оказываются сами не способны «оторваться от своей сырьевой базы и стать частью

³⁷ Иноземцев, В. Л. Собственность в постиндустриальном обществе и исторической ретроспективе. – С. 13.

³⁸ Белл, Д., Иноземцев, В. Л. Указ. соч. – С. 74.

постиндустриального мира»³⁹. И вообще, «если для этой части человечества так важно жить в своем собственном мире, то есть ли смысл вмешиваться в их дела?»⁴⁰

Подобные высказывания являются попыткой развитых стран снять с себя ответственность за продолжающееся ухудшение ситуации в странах третьего мира. По мнению А. Г. Франка, жители развитых стран «привыкли связывать беспорядок на Юге с его изначальной неуправляемостью и дезорганизацией. Мы отказываемся признавать, насколько наше благосостояние зависит от нашей способности перекладывать издержки, связанные с его созданием, на плечи других»⁴¹. А. В. Готнога, в свою очередь, отмечает: «“Парадокс” расширяющегося разрыва между этими мирами есть попытка теоретического обоснования практической безответственности Запада за судьбы тех, кто сделал возможным его внешнее “постиндустриальное” благополучие»⁴².

В заключение хотелось бы отметить, что никто не может отрицать влияния развития новых технологий на изменения в социально-экономических структурах современного мира. На основе этих технологий была создана громадная спекулятивно-финансовая «фиктивная» надстройка современной экономики. На базе тех же информационных технологий появились различные децентрализованные сетевые бизнес-структуры. Появляется много новых профессий, связанных с ними. Процесс глобализации приводит к тому, что головной офис какой-либо компании и ее реальные производственные мощности могут быть разделены тысячами километров.

Точно так же никто не утверждает, что в странах третьего мира люди никогда не увидят достижений «постиндустриализма» и не узнают, что такое мобильный телефон или компьютер. Речь идет не об этом. Необходимо ответить на вопрос: меняют ли эти явления капиталистическую систему, основные характеристики и противоречия которой оставались неизменными и постоянно воспроизводились на протяжении длительного времени, выходят ли они за ее

³⁹ Белл, Д. Возобновление истории в новом столетии (Предисловие к новому изданию книги «Конец идеологии») // Вопросы философии. – 2002. – № 5. – С. 24.

⁴⁰ Белл, Д., Иноземцев, В. Л. Указ. соч. – С. 105.

⁴¹ Франк, А. Г. Нет никаких цивилизаций // Прогнозис. – 2007. – № 4. – С. 18.

⁴² Готнога, А. В. Прогнозирование истории: теория и методология. – С. 74.

рамки? Сторонники концепций постиндустриального общества склонны давать на этот вопрос утвердительный ответ. Фетишизируя техническую сторону современных общественных процессов, они пытаются выдать изменение внешних свойств капиталистического способа производства за его сущностную трансформацию.

Однако важно понять, что капитализм, как и любой объект, взятый в процессе своего саморазвития, не статичен, а находится в постоянном движении. В ходе этого диалектического развития изменялись отдельные свойства капиталистического способа производства, его формальные стороны. Однако эти трансформации не меняют его коренных черт, характеризующих капитализм как определенную общественно-экономическую формацию, они лишь углубляют его противоречия, подготавливая качественный межформационный скачок.